

*АГАФОНОВ Илья Станиславович,
аспирант,
Российский государственный гуманитарный университет,
e-mail: is.agafonov@yandex.ru;
ORCID: 0000–0001–9939–9119*

ОБРАЗЫ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОЙ И ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ В МЕСТНЫХ ПАМЯТНИКАХ ЛЕТОПИСАНИЯ XVI в.

Аннотация. Изучение вопроса о восприятии верховной власти в России эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени в отечественной историографии традиционно связано с обращением к крупным литературным памятникам XVI в.: Хронографу редакции 1512 г., Воскресенской и Никоновской летописям, Летописцу начала царства, Степенной книге и другим произведениям. Вместе с этим на периферии исследовательских интересов ученых остаются менее масштабные памятники местного летописания, внимание которых к центральным идеологическим нарративам о самодержавной власти, титулатуре, правах и полномочиях государя оказывается выраженным не столь явно. В статье рассматриваются формы и способы репрезентации власти, изложенные местными книжниками XVI в. в своих произведениях, ориентированных, прежде всего, на описание конкретных регионов и локальных событий. На материале опричных летописцев, памятников монастырской книжности, а также ряда произведений, авторами которых были выходцы из служилой прослойки общества, рассматривается отношение регионального книжника к изображению великих князей и царей, их прав, полномочий, обязанностей по отношению к подданным, идеальных качеств правителя.

Ключевые слова: Россия, древнерусская книжность, местное летописание, XVI век, политическая идеология, образы власти.

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 20–18–00218.

*Iliia S. AGAFONOV,
Postgraduate Student,
Russian State University for the Humanities,
e-mail: is.agafonov@yandex.ru;
ORCID: 0000–0001–9939–9119*

IMAGES OF THE GRAND-PRINCELY AND ROYAL AUTHORITY IN MONUMENTS OF LOCAL CHRONICLE OF THE 16TH C.

Abstract. The study of the issue of the perception of supreme power in Russia in the late Middle Ages and early modern times in Russian historiography is traditionally associated with an appeal to major literary monuments of the 16th century: the Chronograph edition of 1512 year, the Voskresenskaya and Nikon Chronicles, the Chronicler of the Beginning of the Kingdom, the Book of Royal Degrees and other works. At the same time, less large-scale monuments of local chronicles remain on the periphery of the research interests of scientists, whose attention to the central ideological narratives about autocratic power, titles, rights and powers of the sovereign is not so clearly expressed. The article deals with the forms and methods of representation of power, described by local scribes of the 16th century. In his works, focused primarily on the description of specific regions and local events. On the material of oprichnina chroniclers, monuments of monastic literature, as well as a number of works whose authors were from the service stratum of society, the attitude of the regional scribe to the image of the great princes and kings, their rights, powers, duties in relation to subjects, ideal qualities of the ruler is considered.

Keywords: Russia, Old Russian literature, local chronicles, XVI century, political ideology, images of power.

Acknowledgments. The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation, project No. 20–18–00218.

Введение. Исследование местных памятников летописания XVI в. тесно связано в отечественной историографии с разбором содержания и значения отдельных сюжетов, наполняющих эти произведения. Отдельные строчки памятника разбираются исследователями на части, проводятся сравнения с другими источниками, выявляется вероятное происхождение тех или иных сведений. Вместе с этим попытки структурировать сведения местного летописания XVI в. с разбивкой доступных известий в отечественной историографии не проводились. В то же время обращение к тематической группировке сюжетов из разных памятников является одним из способов формирования широкой картины летописной традиции регионов и расширения представлений о работе местных авторов, обращение которых к конкретным сюжетам и образам является одним из способов коммуникации индивида с прошлым.

Причины обращения к местным памятникам летописания лежат в русле общих тенденций развития отечественной историографии, в которой внимание к малым произведениям находится на периферии, в связи с чем интерес к транслируемым ими политическим нарративам оказывается подчиненным столичным сюжетам, формирующим образы власти Российского государства в XVI в. более детально и проработанно.

Одной из тем, поднимавшихся в отечественной историографии на материале крупных памятников летописания XVI в., было обращение к политической идеологии государства и построению образов идеального правителя. В эту категорию входят титул правителя, его употребление, исполняемые им функции по защите страны и христианской веры, а также набор идеальных качеств, указывающих на особый статус их носителя. Исследование образов власти на материале центральных памятников летописания эпохи, а также ряда политических сочинений первой половины XVI в. отражено в работах В. И. Саввы, В. Е. Вальденберга, Б. А. Успенского и др.¹ Однако обращение к образам власти на материалах неофициальных памятников оставалось на периферии исследовательских интересов. В этой связи можно вспомнить исследование А. С. Усачева, изучавшего обращение к царскому титулу до 1547 г. и после венчания Ивана IV по материалам выходных записей².

Ход и результаты исследования. В комплексе исследуемых источников намеренное обращение авторов к образам власти и построения идеальной фигуры правителя происходит довольно редко. Основной фокус внимания книжников связан с описаниями конкретных общерусских или региональных событий, из-за чего в отдельных случаях правитель упоминается в связи со своим восшествием на престол, смертью, свадьбой или появлением у него наследника. Например, в Безднинском летописце читаем: «скончался царь и великий князь всея Руси самодержец; сын его царевич князь Феодор Иванович седе на царство»³.

При описании действий правителя в большинстве памятников местного летописания указывается его титул: в случае с Иваном III и Василием III — это «князь великий всея Руси» или просто «князь великий».

¹ Савва В. И. Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1901; Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. Пг., 1916; Успенский Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998.

² Усачев А. С. Некоторые замечания об употреблении царского титула русских государей до 1547 г. (по материалам выходных записей на рукописных книгах) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4(62). С. 107–112.

³ Корецкий В. И. Безднинский летописец конца XVI в. из собрания С. О. Долгова // Записки отдела рукописей. 1977. Вып. 38. С. 208.

В отношении Ивана IV после 1547 г. используются титулы «царь», «государь» и «князь великий» с приставкой «всея Руси». Также стоит отметить, что в местных памятниках историописания XVI в. отсутствуют заметные искажения великокняжеского и царского титула, на которые указывал в своей работе А. С. Усачев, отметивший, что в ряде регионов книжники продолжали называть Ивана IV в соответствии с традицией — великим князем, опуская его царский титул.

Отдельно можно выделить ряд памятников, упоминание в которых носителей верховной светской власти отличается от установленного письменной традицией порядка. Так, в Соловецком летописце конца XVI в. в записи от 1530 г. князь Иван Васильевич, родившийся у Василия III и его жены Елены Глинской, сразу именуется «царем, государем и великим князем всея Руси», что отличает памятник от прочих, в которых царский титул Ивана IV до официального венчания не используется¹. В схожем ключе говорит о рождении наследника и Летописчик Игнатия Зайцева. Однако автор сразу дает некоторую ретроспективу описываемым событиям, говоря, что новорожденный Иван Васильевич «после ж и царь наречен бысть»². А Летописчик Марка Левкеинского единственным среди памятников местного летописания эпохи именует Василия III «самодержцем» в записи о смерти старца Левкея от 19 апреля 1505 г.³

При описании событий малолетства Ивана IV в период с 1534 по 1537 г. важнейшей политической фигурой московского двора была Елена Глинская, роль которой состояла в урегулировании боярских конфликтов и сохранении престола за несовершеннолетним Иваном⁴. С ролью арбитра Елена Глинская справлялась вплоть до своей смерти — именно по ее распоряжению был «пойман» Юрий Дмитровский, а также Андрей Старицкий вместе со своим сыном и женой и ряд представителей боярских семейств Шуйских, Бельских и Глинских.

При этом деятельность княгини хоть и находила отражение в местных памятниках летописания, но ее фигура не всегда утверждалась в качестве главенствующей. Так, в Постниковском летописце Елена именуется «великой княгиней», хотя формально данного титула она не принимала и никаких реальных прав на обладание им не имела⁵. Вместе с тем заметна тенденция, что при описании решений, принимаемых от имени Ивана IV,

¹ Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 год. М., 1981. С. 235.

² Зимин А. А. Краткие летописцы // Исторический архив. Т. V. 1950. С. 15.

³ Там же. С. 10.

⁴ Кром М. М. Вдовствующее царство: Политический кризис в России 30-х — 40-х годов XVI века. М., 2010. С. 74—80.

⁵ Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 174—175.

в летописных сведениях имя и/или титул великого князя ставились перед регалиями Елены Глинской: «великий князь и великая княгиня»¹ или «Иван с матерью своей великой княгиней Еленой»².

В отдельных случаях решения Ивана IV или Елены Глинской, принимаемые ими в период несовершеннолетия великого князя, были связаны с «советами» с боярами и митрополитом. Так, при выборе своих действий после получения власти Елена «сдумывает» с боярами и решает жаловать земли и службу боярам и князьям³. Схожий сюжет можно обнаружить и в Постниковском летописце, где описывается совет великого князя с боярами и митрополитом в 1540 г.⁴

Один из важнейших вопросов, связанных с восшествием на престол Ивана IV, связан с отражением в памятниках процедуры его венчания и отражения этого события в источниках. В Никоновской летописи и Степенной книге можно заметить подробное описание церемонии, помазание царя митрополитом Макарием и возложение на него регалий. В местных памятниках летописания XVI в. это событие также нашло свое отражение, однако региональные книжники обращались к сюжету венчания гораздо меньше, не описывая его детально. Среди памятников, в текст которых попали записи за 1547 г., упоминается венчание Ивана IV, но отдельные памятники предпочли опустить этот сюжет и сфокусировать внимание на свадьбе царя с Анастасией Романовой, как сделали авторы Соловецкого летописца конца XVI в. и Постниковского летописца. При этом царский титул Ивана IV в обоих случаях начинает применяться к нему с того же времени. Однако Постник Губин, например, решил больше внимания уделить участию в свадьбе митрополита Макария и протопопа Феодора, а также списку «дружек», присутствовавших на торжествах⁵. Куда более подробное описание венчания осталось в Летописчике Игнатия Зайцева, где точно названо число венчания — 16 января — а также подчеркивается статус Ивана как первого носителя этого титула: «16 января Ивана Васильевича на царство поставили и царя и царем нарекли и от того первый благоверны царь наречеса на Москве»⁶.

Совсем иной образ Ивана IV как правителя и царя вырисовывается в Кратких летописных записках эпохи Опричнины. Так, события 1547 г. характеризуются автором памятника не как торжественное венчание, а, наоборот, как самовольное обретение Иваном Васильевичем титула:

¹ Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 175.

² Там же. С. 226.

³ Зимин А. А. Указ. соч. С. 12.

⁴ Тихомиров М. Н. Указ. соч. М., 1979. С. 176.

⁵ Там же. С. 181.

⁶ Зимин А. А. Указ. соч. С. 16.

«государь нарекся царем»¹. Впоследствии в записи от 1552 г. царский титул Ивана IV вовсе не упоминается, а в событиях, связанных с походом к Коломне и на Казань, фигурирует «великий князь». Упоминания Ивана IV и его семьи в 1560-х гг. меняются, и впервые в тексте появляется царский титул применительно к жене Ивана — Анастасии Романовой в связи с ее смертью, а также самому правителю в сообщении о его женитьбе на Марии Смирдюковой². Тем не менее в более поздних записях именование Ивана Васильевича «царем» исчезает снова, из-за чего можно предположить, что период 1560-х гг. соответствовал внутреннему представлению летописца об идеальном правителе, достойном носить царский титул. Изменение отношения к царскому титулу правителя может быть связано с изменениями во внутренней политике Ивана IV в 1570-х гг. Упоминание государя в записи от 1570 г. вновь игнорирует царский титул, именуя того «великим князем», при этом обращает на себя внимание тот факт, что запись помещена между сведениями о третьем браке Ивана и началом опал и казней³. Последняя запись летописца с упоминанием Ивана IV относится к 1573 г. и повествует о пожаловании князю Василию Владимировичу города Дмитров, однако совершает этот акт снова не царь, а всего лишь «великий князь»⁴.

Отсюда представляет особое внимание автора Краткого Опричного летописца к титулатуре правителя. В свое время В. И. Корецкий отмечал антиопричный характер сочинения, вышедшего из среды московского клира. Однако вместе с этим титулы Ивана IV в памятнике воспроизводятся в полной точности при любом его упоминании: «царь... всяя России самодержец»⁵.

В большинстве памятников местного летописания XVI в. можно заметить лишь скупое описание событий, связанных с участием царя. Восприятие региональными книжниками политических проектов, связанных с построением образа идеального правителя, заканчивается на титулатуре, которую практически никто не подвергает сомнению намеренно. Пространное описание идеальных качеств и прославление правителя, по всей видимости, не входило в интересы автора, так как похвала тому или иному правителю в источниках отражалась редко.

На этом фоне выделяются сведения источников, в которых идеальные качества всё же нашли свое отражение при описании светских правите-

¹ Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 227.

² Там же. С. 227–228.

³ Там же. С. 228.

⁴ Там же. С. 229.

⁵ Корецкий В. И. К вопросу о неофициальном летописании времени опричнины // Летописи и хроники. М., 1984. С. 110.

лей. В краткой форме воплощение представлений книжника об идеальном правителе и его христианских функциях государя можно заметить в Кратком летописчике Кирилло-Белозерского монастыря, опубликованном А. А. Зиминым. В нем в связи со своей смертью эпитета «благоверный» удостоиваются «благоверный» Василий III и «христоролюбивый» князь Юрий Иванович Дмитровский¹.

Совсем иной подход можно обнаружить в апологетических произведениях, в которых образ правителя намеренно выставляется в лучшем свете в связи с концепцией автора. Одним из примеров такого обращения к авторитету светской власти для повышения статуса объектов, с которыми он взаимодействовал, является Сказание об Усть-Шехонском Троицком монастыре, в котором главным действующим лицом является Глеб Васильевич Ростовский, князь Белоозера, Вологды и Устюга. По сюжету произведения именно ему принадлежит право постройки новой церкви «на Белоозере», а также основание монастыря во главе с первым игуменом Геннадием. Фигура Глеба Васильевича в тексте представлена исключительно в положительных тонах, а сам князь становится сосредоточением христианских идеальных качеств правителя. Так, он, будучи «влеком верой», велит выстроить церковь в благодарность за чудодейственное исцеление своего сына Михаила, после чего живет «в благочестии и праведности»². В итоге Глеб Васильевич и его дети становятся приобщенными к числу «идеальных» правителей в соответствии со своими деяниями по укреплению христианской веры и, что особенно важно, выражении благодарности за Божественное Чудо, что отображает смирение светских правителей перед волеизъявлением высших сил.

Однако более яркие образы, связанные с обращением к идеальной фигуре правителя, можно обнаружить в Летописце Пафнутьево-Боровского монастыря. Специального обращения к остальному тексту летописца с точки зрения изучения содержащихся в нем властных образов и канонов не проводилось. Общий фон событий летописца связан с правлением Василия III и его внешнеполитической деятельностью по борьбе с Казанью и Крымом. В глаза бросается подчеркнуто позитивное отношение автора к великому князю и его решениям, даже если на практике они оборачивались военными поражениями.

Так, в летописце подробно рассказывается о судьбе казанского царевича Шигаля (Шаха-Али), которого в 1518 г. согнали с казанского престола местные аристократы, призвавшие на царство сначала вдову прошлого правителя, а затем крымского хана. В сюжете о бегстве Шига-

¹ Зимин А. А. Указ. соч. С. 31.

² Макаров Н. А., Охотина Н. А. Сказание о Троицком Усть-Шехонском монастыре // Florilegium: к 60-летию Б. Н. Флори. М., 2000. С. 202.

лея раскрывается важность верности клятве, так как именно благодаря ей бывшего хана находит отряд касимовских казаков, обеспечивая ему благополучное возвращение в Москву¹. Вместе с этим фигура Ахмат-Гирея представлена в виде антипримера и антиидеала правителя, так как сначала он обманывает Василия III, грабя его земли, а затем вступает в войну с Астраханью. В качестве «наказания» Ахмет-Гирею летописец приводит сюжет о смерти крымского хана в войне с Астраханью, утверждая Божью кару за преступления против клятвы, данной великому князю². Василий III в премудрости своей оказывается терпелив, благоверен и кроток, что иллюстрирует его богобоязненность и смирение. Даже в борьбе с Ахмат-Гиреем Василий, «сохраняя в сердце правду, а не ложь» и «поверова его ложному братству и беззаконному совету», несмотря на последовавшее поражение великокняжеских войск от крымчаков. В конце летописца деятельности Василия III подводится своеобразный итог, определяющий великого князя как фигуру, воплощающую в себе идеальные качества и добродетели государя: «цари ему покоряются, короли грозы его трепещут, и всяко племя безсерменское хоругви его крестоносного боятся. И велик ужас одержит латыньстии языци, ляхи, и литву, и немец»³.

Заключение. Стоит отметить, что во всех прочих местных памятниках летописания XVI в практически отсутствуют обращения к образам власти, фигурам правителей и отдельным событиям их венчания, восхождения на престол. В том же Сольвычегодском летописце отсутствуют сведения как о рождении, так и о смерти российских государей, а летописец дворян Извольских упомянул лишь смерть Федора Иоанновича, несмотря на возможность дополнить текст сведениями о смерти Ивана IV и рождении у него наследников. Так, упоминаний о рождении Ивана Васильевича в местных памятниках обнаружено всего пять, о рождении Юрия Васильевича — четыре, о смерти Василия III — шесть, причем в Летописчике Марка Левкеинского присутствует запись о смерти «великого князя» инока Варлаама, а отдельное упоминание Василия III отсутствует⁴, о венчании Ивана Васильевича — две, о его смерти — одно и две записи о смерти Федора Иоанновича. В большинстве своем сведения о смене власти в Москве не становились объектом внимания летописцев, даже если учесть, что разброс охвата исследуемых памятников затрагивает разные временные промежутки.

В большинстве своем авторы местных памятников летописания XVI в. не ставили перед собой задачи отдельно осветить фигуры правителей Рос-

¹ Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 160.

² Там же. С. 162–163.

³ Там же. С. 163–164.

⁴ Зимин А. А. Указ. соч. С. 12.

сии и подчеркнуть их идеальные качества или образы светских правителей. Отсюда те немногочисленные проявления интереса к высшей власти представляются наиболее ценными для изучения взглядов и мировоззрения регионального книжника, работавшего над своим сочинением без прямого контроля или патроната со стороны светских или церковных властей.

Литература

1. Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. Пг.: Тип А. Бенке, 1916. 463 с.
2. Зимин А. А. Краткие летописцы // Исторический архив. 1950. Т. V. С. 3–39.
3. Корецкий В. И. Безднинский летописец конца XVI в. из собрания С. О. Долгова // Записки отдела рукописей. 1977. Вып. 38. С. 191–208.
4. Корецкий В. И. К вопросу о неофициальном летописании времени опричнины // Летописи и хроники. 1984 г. М.: Наука, 1984. С. 88–112.
5. Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI века // Летописи и хроники. 1980 г. М.: Наука, 1981. С. 223–243.
6. Кром М. М. Вдовствующее царство: Политический кризис в России 30-х – 40-х годов XVI века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 888 с.
7. Макаров Н. А., Охотина Н. А. Сказание о Троицком Усть-Шехонском монастыре // Florilegium: к 60-летию Б. Н. Флори. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 187–209.
8. Русское средневековье: мозаика повседневности: Учеб. пособие / Отв. ред. О. А. Огородникова; науч. ред. А. А. Емельянова. М.: Книгодел, 2021. 260 с.
9. Савва В. И. Московские цари и византийские василевсы. Харьков: Типография и Литография М. Зильберберг и С-вья, 1901. 265 с.
10. Тихомиров М. Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979. 387 с.
11. Усачев А. С. Некоторые замечания об употреблении царского титула русских государей до 1547 г. (по материалам выходных записей на рукописных книгах) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4 (62). С. 107–112.
12. Успенский Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М.: Языки русской культуры, 1998. 676 с.